

Соотношение морали и религии в философии К. Льюиса

Родионова Инна Алексеевна

Студент (специалист)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра этики, Москва, Россия

E-mail: roda.inna@mail.ru

Проблема соотношения двух форм общественного сознания, морали и религии, имеет важное значение в этике, поскольку она непосредственно связана с вопросом о критерии нравственности, об ее истоках, об ее статусе в обществе.

Рассуждая о ценности моральных норм в жизни людей, Льюис сравнивает человека с машиной, а моральные нормы - с инструкцией по применению, которая призвана обеспечить правильную работу «человеческой машины». Каждый человек, если для него дорого собственное благополучие, должен следовать нравственным нормам. Живя «по инструкции» человек может оградить себя и других людей от множества неприятностей и проблем. Но откуда берется эта инструкция?

Льюис замечает любопытную вещь: во всем свете люди принимают мысль о том, что они должны вести себя определенным образом, и не могут от нее отделаться. И если сравнить нравственные учения, господствующие, скажем, в Древнем Египте, Вавилоне, Индии, Китае, Греции и т.д., то можно заметить, насколько эти учения похожи друг на друга и на наше, сегодняшнее понятие о нравственности. Нет различия в нравственных принципах, разница - только во взглядах на определенный факт.

Представления о плохом и хорошем, о порядочном и непорядочном настолько глубоко запечатлены в человеке, что даже встречая человека, утверждающего, что он не верит в добро и зло, можно тут же увидеть, как он возвращается к отвергнутым принципам. Если кто-то нарушит обещание, данное этому человеку, скорее всего, он воскликнет: «Это несправедливо!». Однако эти слова не имеют смысла, если нет добра и зла, потому что тогда нет никакой разницы между справедливым и несправедливым. Мы не можем просто забыть о понятиях порядочности, добра, зла, справедливости и т.д., а если бы и забыли, то большая часть из того, что мы говорим и думаем о людях, утратила бы всякий смысл. Отсюда следует, что мы вынуждены верить в подлинное существование добра и зла. И представления об этих понятиях не более зависят от вкуса или взглядов каждого отдельного человека, чем таблица умножения.

Также, если какие-то нравственные представления кажутся нам более правильными, чем, например, представления нацистов, то должна существовать какая-то истинная норма, которая служила бы мерилom тех или иных взглядов.

Из всего этого можно прийти к выводу о том, что правило добра и зла должно быть реальным, существующим независимо от нас. Приходит мысль о какой-то иной реальности; о том, что за обычными фактами поведения скрывается что-то вполне определенное и над ними царит некий закон, которого никто из нас не составлял и который, тем не менее, воздействует на каждого из нас. Все это можно свести к следующему: что-то руководит мирозданием и проявляется во мне как закон, который побуждает меня творить добро и испытывать угрызения совести, если я содеял зло.

Подойдя же к чему-то или кому-то, что стоит за нравственным законом, мы неизбежно должны обратиться к Богу и религии и попытаться рассмотреть вопрос с этой стороны.

Мораль и религия, считает Льюис, непосредственно связаны друг с другом. Рассматривая нравственность как то, что дано Богом и поддерживается Богом, можно объяснить ее

общезначимость, ее важность для обыденной жизни. Исходя из христианских, и не только, догматов, человек сотворен Богом. И, следуя из этого, именно Он лучше всего знает «инструкцию» для человеческой жизни. И Он ее и дал нам, вложив в нас нравственный закон и дав побуждение следовать ему.

Таким образом, для нравственности необходимо абсолютное основание, которое может ей дать только религия.